

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 316.334.52

<https://doi.org/10.23947/2414-1143-2023-33-1-25-31>

Языковая и территориальная идентичности: национально-этническое самосознание через призму знаково-символической интерпретации

Ю. А. Петрова

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69

 julia-pp@yandex.ru

Аннотация

Национально-этническое самосознание представлено в знаково-символической интерпретации языковой и территориальной идентичности грузинского народа. Отличительной чертой исследования является то, что такая интерпретация вносит определенную степень объективности в этнографическое исследование, и тем самым предоставляет возможность рассматривать национально-этническое самопознание или идентичность грузинского народа как на языковой идентификации, основанной на знании грузинского языка, так и территориальной принадлежности. Цель данного исследования состоит в том, чтобы объединить различные точки зрения, которые касаются вопросов, связанных с человеческим языком и территорией и/или географической средой. Выдвинута гипотеза, что как языковая, так и территориальная идентичности грузинского народа являются одними из определяющих факторов национального самосознания в целом. Многомерный дизайн исследования, интерпретация кодификации естественного грузинского языка в понятиях семиотики и идентичности через восприятие территориальной принадлежности и призму семиотической этнографии, основаны на анализе описания грузинского языка, ландшафта и архитектуры.

Ключевые слова: язык, самосознание, идентичность, топофилия, мхедрули, картвельские тексты, этно-семиотика, знак, символ.

Для цитирования. Петрова Ю. А. Языковая и территориальная идентичности: национально-этническое самосознание через призму знаково-символической интерпретации / Ю. А. Петрова // Научный альманах стран Причерноморья. — 2023. — Т. 33. № 1. — С. 25–31. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2023-33-1-25-31>

Linguistic and territorial Identities: national-ethnik Selfconsciousness through the Prism of sing-symbolic Interpretation

Yu. A. Petrova

Rostov State Economic University, 69, St. Bolshaya Sadovaya, Rostov-on-Don, Russian Federation

 julia-pp@yandex.ru

Abstract

National-ethnic selfconsciousness is represented in a sign-symbolic interpretation of the linguistic and territorial identity of the Georgian people. A distinctive feature of the study is that such an interpretation introduces a certain degree of objectivity

into the ethnographic research, and thereby provides an opportunity to consider the national-ethnic self-knowledge or identity of the Georgian people both on linguistic identification based on knowledge of the Georgian language and territorial affiliation. The purpose of this study is to combine different perspectives that relate to research issues connected with human language and territory and/or geographical environment. It has been hypothesized that both linguistic and territorial identities of the Georgian people are among the determining factors of national selfconsciousness in general. The multidimensional design of the study, the interpretation of the natural Georgian language codification in the concepts of semiotics and identity through the perception of territorial belonging through the prism of semiotic ethnography are based on the analysis of the description of the Georgian language, landscape and architecture.

Keywords: language, selfconsciousness, identity, topophilia, mkhedruli (one of the three Georgian scripts), Kartvelian texts, ethnosemiotics, sign, symbol.

For citation. Petrova Yu. A. Linguistic and Territorial Identities: National-Ethnic Selfconsciousness Through the Prism of Sign-Symbolic Interpretation / Yu. A. Petrova // Science Almanac of Black Sea Region Countries. — 2023. —V. 33. No. 1. — pp. 25–31. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2023-33-1-25-31>

Введение. Мир, в котором мы живем, разделен на множество частей: от континентов и частей света до регионов, стран и республик, областей и краев, городов и районов и т.п. Каждый человек знает название страны, в которой он живет, но каждый ли задумывался, что именно делает страну такой, какая она есть? Человек неразрывно связан с тем местом, в котором живет, средой, в которой он существует. Используя природные ресурсы, человек удовлетворяет свои насущные потребности и тем самым изменяет окружающую местность, формирует совершенно новый ландшафт окружающей его территории. В результате активной человеческой деятельности формируется особый индикатор: «человек — среда обитания».

Национальный язык, развитый нацией также является индикатором, который отражает национальную идентичность, наследие членов сообщества и каждого отдельного человека. Отличительной чертой данной работы является применение знаково-символической интеракции к исследованию этноса. Ключевой термин в семиологии / семиотике — «знак», состоящий как минимум из осязаемого воздействия на одно из чувств получателя, который означает содержание. Семиология и семиотика постепенно дифференцировалось методологическим содержанием, что сделало различие между этими двумя обозначениями значительным. Если семиология рассматривает язык как знаковую систему области лингвистики, то в семиотике знаки принимают разные формы, формируют в сознании определенные идеи и ассоциации. Например, в катресемиотике пространственная визуализация служит ключевым картографическим устройством для передачи репрезентативной информации об изображаемой части пространства, создавая упорядоченное представление паттернов, которые передают смысл. На основании описательного анализа грузинского языка, пространственной практики и визуального дискурса, исследование показало отличительные черты грузинского народа.

Материалы и методы. Тогда как этнография традиционно фокусируется на факторах, связанных с поведением людей, а функция знаково-символической системы заключается в передаче идей посредством сообщений, в исследовании применение этносемантического метода к описанию грузинского языка и территориальной семиотической этнографии к пространственной практике и визуальному дискурсу предоставили возможность на примерах языковой и территориальной идентичности рассмотреть отличительные характеристики, которые формирует национально-этническое самосознание грузинского народа.

Впервые введенный философами-стоиками термин «знак», признанный в европейской средневековой литературе как *signans* и *signatum*, вновь появился в теориях швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра и американского философа, логика Чарльза Сандерса Пирса как объект междисциплинарной области исследования знака и знаковой системы, хранящей и передающей информацию.

В теории Ф-де-Соссюра как означающее и значимое: знак — это то, что «вытекает из ассоциации означающего с означаемым» [2, с. 67]. В теории Ч. С. Пирса — как «знаковое средство» и «десигнат», «ничто не является знаком, если оно не интерпретируется как знак» [9, с. 689].

Семиотический проект был сведен почти к нулю, поскольку он был разработан в ограниченных рамках определения Соссюра вне всякого контакта с эпистемологией гуманитарных наук. Из двух терминов «семиотика» и «семиология», использовавшихся как синонимы в течение довольно долгого времени, предпочтение было отдано «семиотике». Следует заметить, что несмотря на эту институционализацию, термин «семиология» прочно укоренился в работах Р. Барта, А. Греймаса, Л. Ельмслева, Ю. Лотмана, Т. Себеока У. Эко и др. ученых, но в большей части разнообразные практики изучения знака как элементарной единицы кода языка определились в теориях коммуникации лингвистики [1, с. 99].

С лингвистической точки зрения, естественные языки являются локусами, в которых проявляются все остальные семиотические системы. Количество кавказских языков, распространенных на территории к северу и югу от Большого Кавказского хребта, «варьируется в зависимости от различных классификаций от тридцати до сорока. На кавказских языках говорят около 8 млн человек. Языковые сообщества варьируются по размеру — от нескольких сотен человек до больших национальных групп, насчитывающих миллионы человек [4].

Результаты исследования. Окружающая среда, преобразованная человеком природа, пространство, которое непосредственно окружает человека и с которым он взаимодействует. Язык, культура, история, литература, архитектура интегрированные в природу Грузии всегда привлекали как новых исследователей, писателей и поэтов, так и просто любознательных людей. Тогда как разные модели окружающей среды допускают разное поведение и эстетический опыт, восприятие этой среды ограничивает или расширяет поведенческий и эстетический выбор человека в зависимости от того, как среда сконфигурирована, уподоблена или творчески переосмыслена. Целью исследования было, используя семиотический подход к языку и семиотический к топографии грузинского народа, рассмотреть национально-этническое самосознание нации, объединив различные точки зрения, которые касаются исследовательских вопросов.

Семиотические и семиотические теории дали возможность на примере языковой и территориальной идентичности рассмотреть отличительные черты грузинской нации, которые показывают национально-этническое самосознание. Исследование подтвердило гипотезу, что языковая и территориальная идентичности грузинского народа являются одними из определяющих факторов национального самосознания. Исследование может быть интересно философам, лингвистам, социологам и всем, кого интересуют вопросы идентичности. Оно может иметь продолжение, стать основой для исследования проблем идентичностей других наций.

Обсуждение и заключения. Население относительно небольшой страны Грузии — 3 983 329 человек, что составляет 0,05 % от общего числа населения земного шара. Почти половина проживает в пяти крупных городах (Рис. 1).

Рис. 1. Численность населения, проживающего в пяти крупных городах Грузии

На грузинском языке (ქართული ენა) мало кто говорит кроме грузин. За пределами Грузии на грузинском говорят в прилегающих регионах Азербайджана и на северо-востоке Турции, а также в провинции Эфahan (Иран), где расположено несколько деревень, в которых проживает грузинское население [4]. Отличительной чертой грузинского языка от большого количества языков Северного Кавказа является долгая история, древняя литературная традиция и оригинальное письмо, восходящие к V в. Исключительность и уникальность грузинского языка состоит в том, что он входит в четырнадцать уникальных языков мира, которые имеют свой собственный алфавит.

За свою историю существования грузинская форма письменности, основанная на стандартном наборе знаков, представляла собой три разных письма — нусхури, асонтарули и мхедрули. Алфавит (мхедрули), который с XI в. и до сегодняшнего времени используют грузины, состоит из 33 символов-букв, относится к категории картвельских языков. Написание символов-букв грузинской системы письма «основано на круглом курсиве, который был разработан на основе угловатого книжного шрифта. Система грузинского письма стандартно включает символ для каждого из отличительных звуков (фонем) грузинского языка» [4].

Основные трактовки грузинского языка в картвельских текстах объясняют использование слов для представления объектов посредством социальных практик с целью различения разных видов вещей и связывания имен с вещами одного и того же типа. Так, например, «общий картвельский словарь» включает в себя термины родства, названия животных, птиц, деревьев, растений и частей тела, а также различные человеческие действия, качества, состояния и т.д. Слова, которые используют цифры от 1 до 10 и слово «сотня» также являются оригинальными общими картвельскими терминами. Для исследований «прагматика объясняет семантику общими нормами, регулирующими использование имен, фиксирует ссылки и, таким образом, объясняет, как имена могут представлять объекты и выражать мысли» [3, с. 57–78]. Соответствия между звуками и значениями в словах и словесных элементах грузинского языка дают основу для рассмотрения картвельских языков, которые имеют тесную связь и происходят от общего предкового языка (протоязыка).

Звуковая система картвельских языков относительно однородна, различие представляется в системе гласных, которая содержит пять основных гласных букв фонем *a, e, i, o, u*, тогда как в сванских диалектах присоединяются еще от двух и более гласных и есть несколько дополнительных гласных: передние (или палатализованные) гласные, *ä, ö, ü* и высокий центральный гласный *ə* (как в английском «sofa») [5, с. 14–20]. Согласная система картвельского языка: звонкие, глухие и голосовые разновидности, также остановки, которые выражаются как полной, так и кратковременной остановкой дыхательного потока в каком-то месте речевого тракта и аффрикаты — это звуки, начинающиеся с остановки, но высвобождающиеся с локальным трением, например, звуки *ch* в «church» [19].

«... Язык — это «промежуточный мир» между мыслью и реальностью, индивидуальным сознанием, языком и, соответственно, культурой. Мир, в котором неструктурированный поток впечатлений и несвязанных сообщений приобрел концептуальную форму, Культура Грузии, как одна из четырех стран Северного Кавказа — это не только пространственно-временные границы существования отдельного этноса » [10, с. 46–48]. Это также свидетельство генетической близости народов, о которой свидетельствует язык, который изобилует древними заимствованиями из иранского, греческого, арабского, турецкого и других языков, хотя в нем можно выделить и базовый словарный запас, и грамматические элементы исконно Кавказского происхождения [13, с. 45–52].

Языковая общность значения языка базируется на общих языковых началах с закрепленным культурным кодом грузинской нации, представляет основу для раскодирования сообщений, которые содержатся в словах. Развитию репрезентативной функции языка осуществляется в том числе и через исследование окружающей среды, в которой происходит жизнедеятельность человека [11, с. 88–94].

В качестве формы общения, использование изображений на несколько тысяч лет предшествует письменной речи. Формы мгновенно формируют в сознании определенные идеи и ассоциации. Ассоциации цвета, в большей части, основаны на возникновении в природе, тогда как ассоциации, стоящие за формами, более абстрактны, и, возможно, они были сформированы с начала человеческой цивилизации [12, с. 98].

Изображениями люди предоставляли географическую информацию на протяжении тысячелетий. Карты, визуально изображающие территории, как и изображения, существуют либо на бумаге, либо в сознании людей

(в виде так называемых ментальных карт) [7, с. 759–770]. «... Одним из самых ранних сохранившихся изображений, включающим как указание масштаба, так и ориентацию предстает – план города Ниппур, созданный около 1330 г. до н.э.» [8, с. 67–74].

Рассмотрение политики развития и действий, направленных на (пере) утверждение ландшафтных и других особенностей территориальной идентичности, составляет концептуальную и методологическую основу для изучения топофилии. «Топофилия: исследование восприятия окружающей среды, отношений и ценностей», Йи-Фу Туан определяет неологизмом, включающий в себя все «аффективные связи человека с материальной средой» [18, с. 99–100].

Основная идея семиотики — извлечение смысла из чего-либо. Так, например, «картосемиотика», также называемая «картографической семиотикой», представляет собой семиотическое изучение картографической модели (карты, модели рельефа, и т.п.). Эти модели объединяет то, что они представляют собой пространство Земли (или, в более широком смысле, другие небесные тела) с помощью модельного пространства. Х. Шлихтманн в «Обзоре семиотики карт» (2009 г.) отметил, что семиотические исследования в основном были посвящены картам в традиционном смысле, как это определено в энциклопедическом словаре картографии. «Картосемиотика как отдельная область исследования, — отмечает ученый, — зародилась в 60-е гг. прошлого века, и теперь достигла приемлемого уровня зрелости» [16, с. 15–21].

Следует отметить, что знаки принимают разные формы, но обязательным является вложенное в них значение. Передача значения может быть с помощью рисунков, фотографий, трехмерных изображений, моделей, карт или чего-либо еще. Можно утверждать, что картосемиотика и/или семиотика карт имеет междисциплинарные связи как с картографией, так и с когнитивной наукой. Расположенная между семиотикой ментального представления изображений и семиотикой кодов, картосемиотика принадлежит к общей области прикладной семиотики: поскольку карты обычно содержат письменный язык и являются знаками, закодированными в соответствии с определенными картографическими соглашениями, их также необходимо декодировать. Такое сочетание графических и словесных элементов делает их сложными семиотическими системами. И поскольку карты являются двумерными носителями, они могут представлять пространство намного лучше, чем слова, которые должны произноситься в линейной последовательности. В то же время карты используют сложную систему символов для определения местоположения или описания географических мест. Картографические изображения обычно снабжены легендой, облегчающей интерпретацию знаков [7, с. 759–770]. Карты, визуально изображающие территории, как и картинки, существуют либо на бумаге, либо в сознании людей (в виде так называемых ментальных карт) [7, с. 759–770].

Геометрическая фигура треугольника на карте может представлять и горы, и пещеры в зависимости от ее ориентации. Треугольник, вершина которого направлена вверх, представляет гору. Вершина, которая обращена вниз, представляет собой пещеру. Физические свойства треугольника, могут быть связаны с идеями силы или баланса, в зависимости от его ориентации (во многом как в его отношении к горам и пещерам). Если посмотреть на карту Грузии, то мы увидим значительное число треугольников с разными ориентациями. Впечатляющие Кавказские горы являются визитной карточкой Грузии. Высота их пиков достигает до 5 км. Например, Казбек (груз. *დავბჰაზბეგო*) высотой 5033,8 м. Белоснежная вершина треугольной пирамиды правильной геометрической формы Тетнульди (груз. *თეტნულდი*) высотой 4869 м — одна из визитных карточек Сванетии [14].

В Грузии находятся четыре глубоких пещеры: «Веревкина», «Крубера», «Сарма», «Система Снежная-Межонного-Иллюзия», а также много других, таких как Новоафонская пещера, пещера Текентери, Памятник природы «Пещера Прометея», Природный город — Пещера Уплисхихе и др. [6].

Точно так же, как многие ассоциации треугольника возникают из-за того, что он имеет три стороны, квадрат в значительной степени определяется своими четырьмя сторонами. Четыре стороны квадрата связывают его с направлениями (север, восток, юг и запад), временами года (зима, весна, лето, осень), стихиями (земля, вода, воздух и огонь) и т.д. На карте квадрат представляет собой форму здания, фундамента, основания или даже дома. Тбилисские жилые дома, также обозначенные этим символом, раскрывают свою особенность жилых домов всего государства со своими характерными особенностями использования при строительстве однородного строитель-

ного материала (дерево и кирпич). Интересная «тбилисская» модель «открытого жилища» разработана за счет продуманной связи дворов и балконов с улицей. Здесь балкон претерпел интересное развитие в процессе адаптации к общеевропейским фасадам. То же самое и с внутренними дворами, которые проникли в постройки стиля модерн, способствуя созданию его незабываемых «тбилисских» образцов». Помимо этого, органичная взаимосвязь города, «переплетающегося» по горному склону и каменистому плато с окружающей средой, динамика очертаний улиц, жилищ, видов, ансамблей построек формируется планировочной и пространственно-концептуальной целостностью. Разнообразная городская архитектура, порожденная местной высокохудожественной индивидуальностью города, его космополитической природой и исторической судьбой, разрушениями и обновлениями, образует своеобразные комплекс ценностей, превращающий столицу в специфический город...» [17].

То что символ семиотики карт представляет наглядную демонстрацию сконструированного языка отдельных географических особенностей, дает возможность, проявляемую в картах символику (называемую языком карты, или типом знаковых систем) сгруппировать в три основных класса:

- изготовление знаков;
- прием знака (процесс, понимаемый как извлечение);
- получение информации из знаков (картографы говорят об использовании карт)» [16, с. 15–21].

Символ картографического изображения реки — волнистая линия. Волнистые линии на карте Грузии — реки Грузии также являются своеобразной визитной карточкой государства, как горы и архитектура. Речная система Грузии — это 25 тысяч больших и малых рек общей протяженностью около 55 тыс. км, которые принадлежат бассейнам Черного и Каспийского морей. Река Кура (Мтквари на грузинском) — одна из важнейших рек Грузии. В переводе с грузинского Мтквари означает «хорошая вода», а с мегрельского — «река, пожирающая горы». Река Кура берет свое начало высоко в горах, прорываясь через многочисленные каньоны и ущелья, поэтому вода у нее мутная. На ее берегах расположены такие города, как Тбилиси, Боржоми, Мцхетой и Гори. Река Арагви протекает по живописной Военно-Грузинской дороге на востоке и сливается с Курой, образуя ее крупнейший приток. На реке располагается Жинвальское водохранилище, построенное в 1986 г. замок Ананури и Успенская церковь XVII в. У слияния рек Арагви и Куры — древняя столица Грузии Мцхета и монастырь Зедазени, относящийся к VI в., где происходили события, описанные в знаменитом стихотворении М. Ю. Лермонтова «Мцыри». Известные русские писатели, такие как Пушкин, Лермонтов, Есенин, Грибоедов, Мандельштам, Ахмадулина и многие другие, очарованные его красотой, неоднократно восхваляли Грузию в своих произведениях [15]. Специфические особенности речной системы Грузии способствуют развитию таких видов активного отдыха, или вернее экстремальных видов спорта как рафтинг и каякинг.

Библиографический список

1. Algirdas G. J., Semiotics and language: an analytical dictionary / A. J. Greimas, J. Courtés; tr. by L. Crist ... [et al.]. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1982, p. 99.
2. De Saussure F. Course in general linguistics. (ed. by R. Harris), Reprint edition, p. 67, 1998, p. 236.
3. Fraser C. Representation in early Chinese philosophy of language. Philosophy East and West 71(1), 2021. pp. 57–78. [doi:10.1353/pew.2021.0004](https://doi.org/10.1353/pew.2021.0004)
4. Gudava T.E. and Gamkrelidze, T. V. Caucasian languages. Encyclopedia Britannica, 2016, URL: <https://www.britannica.com/topic/Caucasian-languages> (Accessed 5 February 2023).
5. Klimov G. A. Kartvelsky languages. Languages of the world: Caucasian languages. Moscow, 1999. pp. 14–20.
6. List of caves in Georgia (country). StartCaving, 2023. — URL: <https://startcaving.com/info/caves-georgia> (Accessed 29 January 2023).
7. Ljungberg, Ch. (2015). Cartosemiotics in: Trifonas, Peter Perikles. International Handbook of Research in Semiotics. New York: Springer Verlag, 2015, pp. 759–770. <https://doi.org/10.1007/978-94-017-9404-6>
8. O’Grady, J. V. and O’Grady K. V. The Information Design Handbook. Cincinnati, HOW Books, 2008, p. 67–74, p. 224.
9. Peirce Ch. S. Collected papers of Charles Sanders Peirce. Vol. 7 and 8: Science and philosophy and reviews, correspondence and bibliography, (Ed. by A.W. Burks), 1958, p. 798.

10. Petrova Y. A. Language consciousness as the peculiarity of cultural differences. Science Almanac of Black Sea Region Countries, 2(6), 2016, с. 46–48.
11. Petrova Y. A., Representation of values of youth subculture in the value-and-meaning paradigm of language, dissertation. Dissertation research, 2012, pp. 88–94, p. 189.
12. Petrova Y. A. Language as a model of the value space of culture, mono-graph, RSUE, Rostov-on-Don, 2019, p.98.
13. Petrova Yu. and Bukreyeva, V. Culture of the peoples of the Balkan Peninsula: History and modern influence of Turkey. Science Almanac of Black Sea Region Countries, 3(23), 2020, p.p. 45–52.
14. Retromap Tbilisi. – URL: http://retromap.ru/14195425_41.80203,44.791259 (Accessed 10 February 2023).
15. Rivers of Georgia, My Geo LLC, 2022. URL: <https://mygeotrip.com/rivers-of-georgia> (Accessed 8 February 2023).
16. Schlichtmann, H. Overview of the semiotics of maps. In Proceedings, 24th International Cartographic Conference, Santiago, Chile, 2009, pp. 15–21.
17. Tbilisi historic district. UNESCO, 2023. — URL: <https://whc.unesco.org/en/tentativelists/5233/> (Accessed 28 January 2023).
18. Tuan, Y. A. Study of environmental perception, attitudes, and values. Journal of Aesthetics and Art Criticism, 34 (1), 1975, pp. 99–100.
19. Vasichkina O. N. Petrova Yu. A. Samarska S. V. English language for professional communication for undergraduates. RSUE, 2020. p. 135.

Поступила в редакцию 9.01.2023.

Поступила после рецензирования 20.01.2023.

Принята к публикации 20.01.2023.

Об авторе:

Петрова Юлия Андреевна, кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков для экономических специальностей, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) (РФ, 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69), [ORCID](#), [ScopusID](#), julia-pp@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.